

Йоцюс В.А., Возвращение сельскохозяйственных переселенцев в БССР в 20-е г. XX в. // В.А.Йоцюс // Актуальныя праблемы айчынай і сусветнай гісторыі : зб. навук. прац / Бел. дзярж. пед. ун-т імя М. Танка ; рэдкал. М.М. Забаўскі, А.П. Жытко, Г.А. Космач і інш. – Мінск : БДПУ, 2013. – С. 112-117.

Резюме

В статье рассмотрен процесс возвращения сельскохозяйственных переселенцев из БССР на родину, а также отражены основные причины, вызвавшие этот процесс. Ключевые слова: сельскохозяйственное переселение, БССР, «обратничество».

ВОЗВРАЩЕНИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В БССР В 20-Е Г. XX В.

В.А. Йоцюс

Вопросы возвращения сельскохозяйственных переселенцев из БССР на родину, не смотря на свою важность в определении эффективности переселенческой политики советского государства в 1920-е г., не нашел полного отражения в советской и постсоветской отечественной исторической литературе. Профессор Н.И. Платунов в работе «Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917-июнь 1941 гг.)» констатирует наличие обратного движения переселенцев, но не указывает цифры и причины, которые вызвали этот процесс [7].

Целью данной статьи является определение количества вернувшихся переселенцев в БССР и выявление причин возврата.

Одним из вопросов социально-экономического развития БССР в 20 г. XX ст. была аграрная перенаселенность белорусской деревни. Для уменьшения земельного голода руководством СССР и БССР было принято решение о переселении части «лишнего» сельского населения на восток СССР (Урал, Сибирь, Дальний Восток и др.). С начала проведения массового планового переселения в 1925 г. и до 1927 г. за пределы БССР выехало 78 667 человек [2, л. 9-10]. Но, не смотря на значительную государственную поддержку (льготы, ссуды), не все переселенцы смогли устроиться на новом месте и вынуждены были стать «обратниками» т.е. теми кто возвращался в места выхода. Что создавало определенные проблемы для государства. Помимо серьезного материального ущерба (с 1925 по 1928 безвозвратные государственные расходы только на подбор и передвижение переселенцев, которые затем вернулись в БССР составили более 235 000 рублей) [5, л. 105 об]. Кроме государственных

убытков каждая возвратившаяся семья несла собственные убытки. Если считать что, семья лишалась только половины своего имущества, что в переводе на денежный эквивалент составляло минимум 300 рублей, то ущерб «обратников» составлял около 1 миллиона рублей. Обычно же переселенческая семья разорялась полностью. С другой стороны «обратники» увеличивали и без того немалую безработицу в деревне.

Трудности в определении точного количества «обратников» вызваны тем, что более-менее точный учет возвратившихся назад, стал вестись только с 1927 – 1928 гг. [8, л.135]. Кроме того в процессе регистрации вернувшихся имелись и другие проблемы. Обратнику-переселенцу не было никакой нужды регистрироваться на переселенческих пунктах, так как это было сопряжено с лишней задержкой и с неприятными для него объяснениями с начальством и т.д., поэтому определенный процент возвращающихся переселенцев от регистрации ускользал.

Подсчеты показывают, общее число зарегистрированных в БССР «обратников» в период с 1925 по 1928 гг. составляло 3207 человек (3.95% от общего числа переселившихся). Однако по данным Челябинского, Свердловского и Сызранского переселенческих пунктов этот показатель составлял около 20 % [3, л. 109 об-110]. Такая разница в цифрах объясняется тем, что возвращающиеся с Дальнего Востока часто оседали в Сибири или на Урале и в БССР не возвращались.

Причины возвращения были чрезвычайно разнообразными. Основные из них: хождение, недостаток информации о переселенческих фондах и об условиях хозяйствования, недостаточное обслуживание переселенцев в местах водворения, невыполнение своих обязанностей должностными лицами и учреждениями.

Одной из проблем в организации переселения являлось то, что ходоки, отправляемые со стороны доверителей, были недостаточно обеспечены средствами. Обычно этих средств хватало проехать только в один конец. Поэтому ходок, вместо того чтобы осматривать участки, вынужден был подыскивать себе работу, чтобы добыть средства на обратную дорогу. В результате его ознакомление с участками было весьма поверхностным, а иногда участки зачислялись без осмотра. Были случаи, когда ходок не находил подходящий участок, а заведующий водворением не выдавал ему разрешения на право проезда по льготному тарифу домой в конце концов ходок вынужден был выбрать хоть какой-нибудь участок. Ходоки из молодых людей часто рассматривали хождение, как средство проехать в Сибирь и Дальний Восток [5, л. 348]. Встречались и ходоки аферисты, которые требовали от доверителей высылки определенной суммы денег, обещая зачислить лучшие участки

[6, л. 225].

В результате, доверители, прибывшие на участки, встречали совсем не то, на что рассчитывали. Начинались поиски других участков, переезды, имеющиеся средства проедались. Многие видели единственный выход из этой ситуации в возвращении назад. Для решения этой проблемы Наркомзем рекомендовал посылать в качестве ходоков проверенных людей из числа хозяев, пользующихся авторитетом. Кроме того требовали, чтобы ходок в достаточной степени был обеспечен средствами и ограничивали число доверителей на одного ходока: чем от меньшего количества семей идет ходок, тем больше гарантии на более удачное зачисление участков, так как лучшие земли как правило находились в обжитых районах на излишках старосельских земель.

Ходоку от переселенческих товариществ была необходима большая площадь, а такие участки имелись на незаселенных участках. Складывалась ситуация, когда не вся земля была пригодна для обработки и часть членов товарищества вынуждена была самостоятельно подыскивать себе участки, что тоже не редко приводило к «обратничеству».

Существовала определенная категория переселенцев, которые самостоятельно шли на переселение, руководствуясь слухами. Такие переселенцы часто попадали в несоответствующие их хозяйственным навыкам и бытовым особенностям регионы, разочаровывались и возвращались назад. Поэтому руководство БССР требовало от районных исполнительных комитетов наладить информирование желающих переселиться об условиях жизни в колонизируемых районах, о степени приживаемости в новых местах, о качестве и состоянии переселенческих фондов, о природных условиях районов, об условиях и особенностях хозяйственной деятельности, о том, как лучше осуществлять переселение, наличие каких условий гарантирует успех приживаемости, какие регионы Сибири и Дальнего Востока по совокупности природных и иных условий являются более подходящими для переселенцев из БССР и т.д. [7, л. 163].

Обслуживание переселенцев как в Сибири, так и на Дальнем Востоке зачастую организовывалось на низком уровне. Переселенцы, попадая в новые условия хозяйственной жизни, в новую природную среду крайне нуждались в усиленной агрономической помощи. Сибирским и Дальневосточным Земельными управлениями вопрос ставился так, что переселенческой организацией не было необходимости создавать самостоятельную агросеть – считая, что переселенцы должны обслуживаться агроперсоналом местных земельных органов [5, л.350]. Такая

постановка вопроса создавала для переселенцев серьезные проблемы, так как переселенческие участки формировались не только в обжитых районах, но и в местах полуобжитых. Если в районах старожильческого населения переселенцы попадали под воздействие агроперсонала земельных органов, то этого нельзя сказать про переселенцев, вынужденных занимать участки в нестарожильческих районах. В результате переселенцы оставались без агрономической помощи.

В отношении медицинского и культурно-просветительского обслуживания переселенцев дела обстояли еще хуже. Это объясняется тем, что кредитами, отпускаемыми по переселенческой смете на эти цели, распоряжаются не переселенческие организации, а краевые отделы народного образования и здравоохранения [4, с. 189-190]. Они были не подотчетны переселенческим управлениям. Поэтому органы, занимающиеся в республике переселением требовали, чтобы средства, отпускаемые по переселенческим сметам, расходовались исключительно на удовлетворение нужд переселенцев, чтобы работа Окружных отделов образования и Окружных отделов здравоохранения по обслуживанию переселенцев проводилась по планам переселенческих управлений, и чтобы переселенческим управлениям было предоставлено право контроля над расходованием сумм и чтобы последние были подотчетны переселенческим управлениям [5, л. 351].

Еще одной причиной возврата являлась неудовлетворительная организация перевозки переселенцев. Часто кладь переселенцев, вопреки существующим правилам, отправлялась отдельно от переселенцев, отставала в пути, ее приходилось разыскивать по линии железной дороги, путем телеграфных запросов. Переселенцам иногда приходилось месяцами ждать прибытия клади. Были случаи попыток взыскания с переселенцев дополнительных городских сборов и других выплат. Часто не подавалось отопление, освещение и переселенцы ехали в темноте и в холодных вагонах. Отдельные вагоны с переселенцами отцеплялись в пути и прицеплялись к товарным, вследствие чего переселенцы сильно задерживались в пути и не успевали прибыть на участки к весеннему севу. Переселенцы ранней весной перевозились в вагонах без двойной обшивки, особенно по сибирским дорогам, что сопровождалось легочными заболеваниями и смертностью, преимущественно среди детей. Перегруженность вагонов людьми было выше всякой нормы, антисанитария в вагонах и т.д. [1, л. 220 об.].

Таким образом, говоря об эффективности переселенческой политики советского государства в БССР в 1920-е г., необходимо учитывать относительно

высокий процент обратного движения переселенцев, вызванный определенными недоработками переселенческих органов и отдельных работников на местах. Понимая, что полностью изжить «обратничество» невозможно советское правительство предпринимало ряд мер по улучшению переселенческих мероприятий и понижению процента «обратников».

Литература и источники

1. Дело о переселении граждан Витебской губернии // Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Фонд 14. – Оп. 1. – Д. 1318. – Л. 220 об.
2. Материалы к пятилетнему перспективному плану переселенческих мероприятий БССР на 1928-33 гг. // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 48. – Оп. 1. – Д. 3625. – Л. 9-10.
3. Отчет делегации, командированной Наркомземом БССР на Дальний Восток и в Сибирь // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 48. – Оп. 1. – Д. 2732. – Л. 109 об-110
4. Переселенческое дело : Сборник декретов и распоряжений по переселению / Нарком. зем. РСФСР. Отд. переселений и колонизации; Под ред. [и с предисл.] М. А. Большакова. – М. : тип. ОГПУ, 1927. – 360.
5. Планы переселения граждан на свободные земли за пределы БССР на 1926-1936, 1928-1933 г. и 1928/29 гг. // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 48. – Оп. 1. – Д. 4045. – Л. 105 – 351.
6. Планы переселения, сведения уездземуправлений о переселенцах и отправленных с переселенцами эшелонах // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 48. – Оп. 1. – Д. 2571. Л. 225.
7. Платунов, Н. И. Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 гг.) / Н. И. Платунов. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1976. – 283 с.